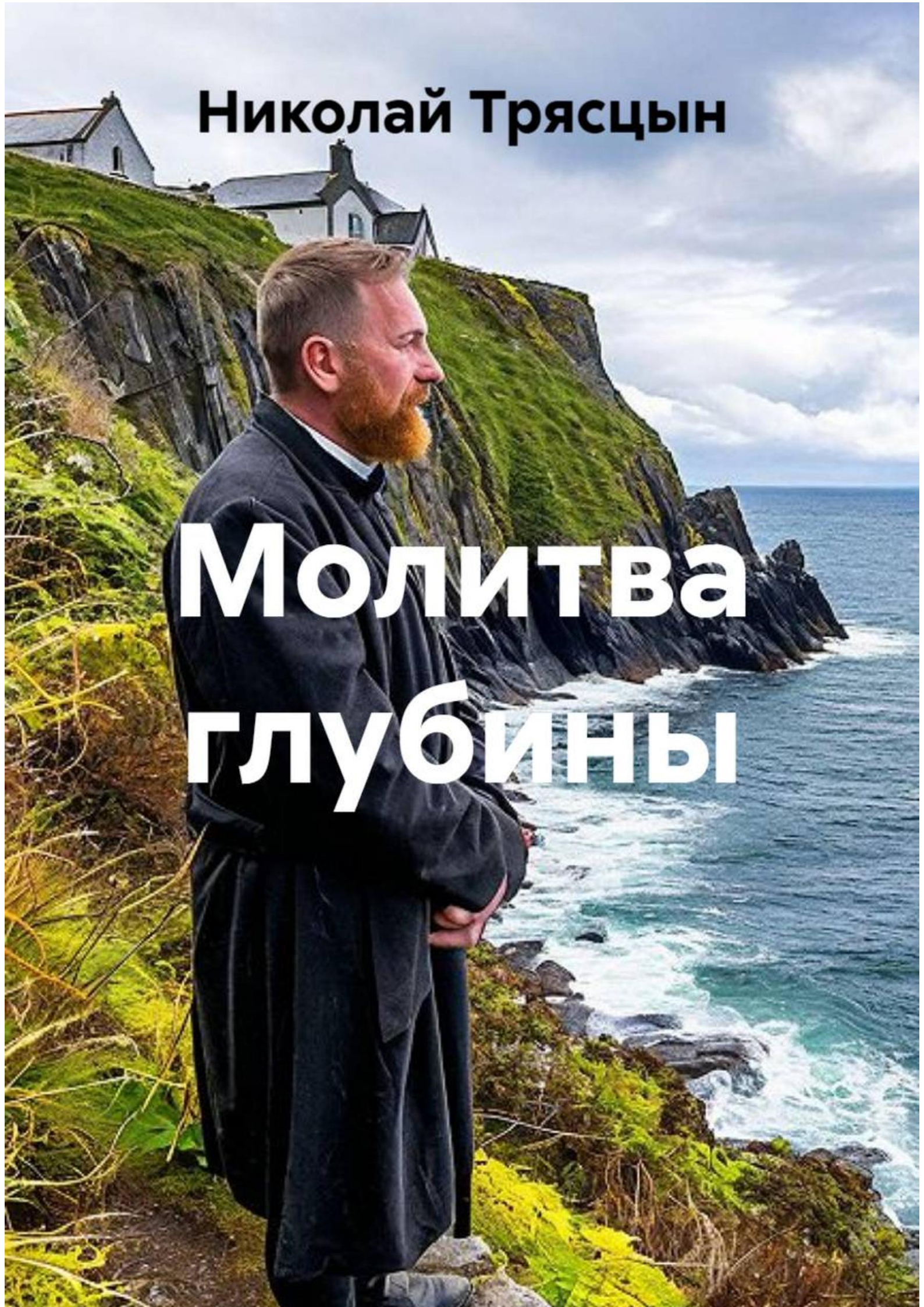

A man with a full red beard, wearing a black clerical robe, stands on a rocky, moss-covered cliff edge. He is looking out over a dramatic coastline where the sea meets the shore with white foam. In the background, a small white church with a grey roof sits atop the cliff. The sky is filled with heavy, grey clouds.

Николай Трясцын

Молитва глубины

Николай Трясцын
Молитва глубины

«Автор»

2026

Трясцын Н.

Молитва глубины / Н. Трясцын — «Автор», 2026

В рыбацком городке Порт-Росс, что на юго-западном побережье Ирландии, где скалы спускаются к Атлантике, как страницы гигантской каменной книги, а воздух до того пропитан солью и водорослями, что кажется — дышишь не лёгкими, а жабрами, служил священник по имени Эйдан Каррик. Был он человеком лет тридцати пяти, с лицом, которое вполне подошло бы святому на витраже, если бы святой этот страдал хронической бессонницей и тайным, почти постыдным равнодушием к собственным проповедям. Черты его были тонки и правильны, глаза — цвета штормового моря, волосы — тёмные, рано тронутые сединой у висков. Голос, когда он читал Писание, звучал мягко и красиво, как виолончель в пустой церкви. Но сам он, слушая себя, думал порой: «Этот голос принадлежит не мне. Это инструмент, который я взял напрокат».

© Трясцын Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. КОЛОДЕЦ. Глава 1. Пролог. Священник, который забыл море	5
Глава 2. Находка	6
Глава 3. Тени прошлого	7
Глава 4. Испытание тишиной	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Трясцын

Молитва глубины

Часть 1. КОЛОДЕЦ. Глава 1. Пролог. Священник, который забыл море

Посвящается тем, кто верит, что Бог говорит не только в Писании, но и в плеске волн, и в молчании старого колодца

В рыбацком городке Порт-Росс, что на юго-западном побережье Ирландии, где скалы спускаются к Атлантике, как страницы гигантской каменной книги, а воздух до того пропитан солью и водорослями, что кажется — дышишь не лёгкими, а жабрами, служил священник по имени Эйдан Каррик. Был он человеком лет тридцати пяти, с лицом, которое вполне подошло бы святому на витраже, если бы святой этот страдал хронической бессонницей и тайным, почти постыдным равнодушием к собственным проповедям. Черты его были тонки и правильны, глаза — цвета штормового моря, волосы — тёмные, рано тронутые сединой у висков. Голос, когда он читал Писание, звучал мягко и красиво, как виолончель в пустой церкви. Но сам он, слушая себя, думал порой: «Этот голос принадлежит не мне. Это инструмент, который я взял напрокат».

Приход его был беден и мал. Церковь Святого Колумбы стояла на холме, и в ветреные дни ветер завывал в её щелях так, что казалось — сам Бог играет на расстроенном органе. Прихожане — рыбаки, их жёны, старухи в чёрных платках да несколько лавочников — привыкли к своему священнику и даже любили его, но любовью спокойной, лишённой ожиданий. Они не ждали от него чудес. Они ждали только воскресной службы, крестин, отпеваний да иногда — доброго слова. Отец Эйдан давал им всё это с безупречной аккуратностью, но внутри его царила пустота.

Пустота эта была не мрачной бездной, а скорее тихой, серой гладью, как море в полный штиль. Он верил в Бога? Он не знал. Вернее, знал, что должен верить, и поступал так, как если бы верил, но это «как если бы» с годами стало привычкой, а привычка, как учили его в семинарии, ещё не есть вера. Иногда, стоя перед алтарём и воздевая руки, он ловил себя на мысли: «А что, если Там — никого? Что, если мой голос уходит в пустоту, как крик чайки над океаном?» И тут же одёргивал себя, ибо сомнение священника — это не личное дело, а трещина в сосуде, из которого пьют другие.

Так он жил — или, вернее, длил своё существование — до того дня, когда в Порт-Росс пришло чудо. Или то, что люди называли чудом. Но чудеса редко приходят с громом и трубным гласом. Чаще они стучатся в дверь тихо, как заблудившийся путник, и просят позволения войти.

Глава 2. Находка

Всё началось с бури. В начале марта, когда зима ещё не желает уступать весне, на побережье обрушился шторм, какого не помнили старожилы. Волны, словно бешеные псы, кидались на скалы, ветер срывал крыши с сараев, а в небесах грохотало так, будто Господь переставлял мебель в Своих небесных чертогах. Три дня Порт-Росс сидел без света и связи, отрезанный от мира. А на четвёртый день, когда буря утихла, рыбаки обнаружили на берегу, у подножия утёса Слёа, странную вещь: каменный колодец, которого раньше там не было.

Да, именно колодец. Грубой кладки, поросший мхом и ракушками, с круглым отверстием, из которого поднимался пар, смешиваясь с утренним туманом. Море, отступая, обнажило его — прежде он, должно быть, был скрыт под песком и галькой, и лишь невиданной силы волны смыли этот покров.

Весть о колодце разнеслась мгновенно. Люди бросили свои сети и лодки и побежали к утёсу. Старики крестились, дети лезли вперёд, женщины ахали. Колодец был не похож на обычный — края его были украшены резьбой: спирали, кресты и какие-то буквы, не то латинские, не то огамические. От воды в нём шёл слабый свет, хотя солнце ещё не выглянуло из-за туч.

Первым, кому пришлось в голову позвать священника, был старый Майкл ОФлаэрти, седой рыбак, чьё лицо напоминало карту прожитых штормов. Он отправил внука к дому отца Эйдана. Священник в это время сидел у камина и читал томик стихов Джона Донна, пытаясь отвлечься от сырости, пронизавшей дом. Услышав о колодце, он нахмурился.

— Колодец на берегу? Не смей меня, парень. Что за выдумки?

— Клянусь Богом, святой отец! — мальчишка перекрестился. — Светится изнутри! И буквы на камне. Все говорят — это знамение!

Эйдан вздохнул, надел плащ и пошёл за мальчиком. Он ожидал увидеть какую-нибудь глупую мистификацию — быть может, старую цистерну, о которой все забыли. Но когда он спустился на берег и протиснулся сквозь толпу, у него перехватило дыхание.

Колодец действительно светился. Не ярко, но ровным, зеленовато-голубым светом, словно в глубине его горела лампада. Резьба на камне была древней — такие узоры он видел только в музеях, на крестах кельтских монахов. И главное: от колодца веяло покоем. Необъяснимым, глубоким покоем, какой бывает только в самом сердце леса или в старых соборах, где молились столетиями.

— Отец, что это? — спросил кто-то из толпы. — Святое место? Или языческое?

Эйдан не знал, что ответить. Он подошёл ближе и опустил руку в колодец. Вода была тёплой — почти горячей, что совсем не вязалось с ледяным мартовским морем. И едва его пальцы коснулись воды, как в голове у него пронеслась странная мысль — не словами, а образами: зелёный остров, монахи в белых одеждах, песнопение на языке, которого он не знал, но который казался родным. Он отдёргнул руку.

— Я... я не знаю, — пробормотал он. — Нужно сообщить епископу. А пока — не трогайте его. Возможно, это просто источник.

Но люди уже шептались: «Святой колодец... Святой источник... Ирландия возвращает свою веру...»

Глава 3. Тени прошлого

Ночью Эйдан не мог уснуть. Он лежал в своей холодной постели и смотрел в потолок, по которому пробегали отблески луны, и думал о колодце. Ему было не по себе. В семинарии его учили, что чудеса прекратились с апостольских времён, а всё, что претендует на сверхъестественное в наши дни, есть либо суеверие, либо обман. Но свет в колодце он видел собственными глазами, и тепло воды чувствовала его рука. И эти образы...

Он сел и зажёл свечу. С полки на него смотрел портрет матери — единственная вещь, которую он привёз из родительского дома. Мать, ирландка до мозга костей, пела ему в детстве старинные баллады о святом Колумбе, о феях и о колодцах, исполняющих желания. Она умерла, когда ему было двенадцать, и после её смерти он отдалился от всего этого «кельтского тумана», погрузился в латынь, догматику и рациональное богословие. Ему казалось, что вера должна быть строгой, чистой, лишённой бабушкиных сказок. Но теперь, в свете дрожащей свечи, эти сказки вдруг ожили.

В дверь постучали. Эйдан вздрогнул. На пороге стояла женщина — молодая, лет двадцати пяти, с волосами цвета меди и глазами, в которых светился тот же самый зеленоватый огонёк, что и в колодце. Она была незнакомкой — в Порт-Россе все знали друг друга, но эту женщину Эйдан никогда не видел.

— Простите за поздний визит, отец, — сказала она тихим, мелодичным голосом. — Меня зовут Найв. Я пришла потому, что вы коснулись воды.

— Что это значит? — спросил Эйдан, чувствуя, как холод пробегает по спине.

— Это значит, что вы теперь часть истории. Колодец — это не просто источник. Это память. Память о тех, кто молился здесь до того, как христианство пришло в Ирландию, и после. Это место, где вода помнит голоса. Я — хранительница этой памяти. И мне нужен священник, который поможет людям понять, а не испугаться.

Эйдан отступил на шаг.

— Вы язычница?

Найв улыбнулась — печально и мудро.

— Я христианка, отец. Но я верю, что Бог не уничтожал веру наших предков, а вбирал её в Себя. Святой Патрик не изгонял свет из колодцев — он крестил их. Я хочу, чтобы вы помогли мне снова освятить этот колодец. Не запретить, а благословить.

Священник молчал. В его душе боролись страх и любопытство. Страх перед нарушением канонов, перед гневом епископа. И любопытство — то самое, что некогда погубило Еву и возвысило Фому.

— Я подумаю, — сказал он наконец.

— Думайте, — ответила Найв. — Но помните: вода помнит всё. В том числе и ваш отказ. И она исчезла в тумане, словно была его порождением.

Глава 4. Испытание тишиной

На следующее утро Эйдан отправился к епископу в соседний городок Килмор. Епископ, сухопарый старик с лицом инквизитора, выслушал его с каменным выражением.

— Колодец? Свет? Женщина? Каррик, вы бредите. Это всё бабьи сказки. Запретите прихожанам ходить туда. Объявите с кафедры, что это суеверие. Если понадобится — засыплем колодец.

— Но, ваше преосвященство, я сам видел свет...

— Видели! — епископ хлопнул ладонью по столу. — Мало ли что можно увидеть, когда в голове ветер. Святой Колумба не нуждается в колодцах, чтобы творить чудеса. Чудеса — в таинствах церкви. Всё остальное — от лукавого.

Эйдан вышел из епископского дома разбитый. С одной стороны, он понимал логику начальства: суеверия опасны, они уводят людей от истинной веры. С другой — он не мог забыть ощущение покоя, исходившее от колодца. Неужели Бог не мог использовать простую воду, чтобы напомнить людям о Себе? Разве не использовал Он грязь и слюну, чтобы исцелить слепого?

Вернувшись в Порт-Росс, он обнаружил, что за время его отсутствия колодец оброс стихийной часовней. Кто-то поставил рядом деревянный крест, кто-то принёс цветы, кто-то — зажжённые свечи. Рыбаки, ещё вчера проклинавшие шторм, теперь благодарили Бога за находку. Старый Майкл ОФлаэрти принёс костыль, который много лет поддерживал его больную ногу, и оставил у колодца, сказав: «Я верю, что смогу ходить. Или не смогу. Но вода слушает, а это уже немало».

Эйдан смотрел на всё это, и сердце его разрывалось. Он должен был подчиниться епископу. Но как поднять руку на веру этих простых людей? На их надежду? Разве не надежда есть сердцевина христианства?

Вечером он снова пришёл к колодцу, уже один. Туман сгустился, и свет из глубины казался особенно ярким. Он опустился на колени и, сам не зная зачем, начал молиться. Но не по-книжному, а своими словами, хриплым шёпотом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.